

6. Великороссы, малороссы и белорусы

Мы видели, что до нашествия татар на всем пространстве тог-дашней России действовала и господствовала единая народность — русская. Но мы видели также, что лет сто после этого нашествия с XIV в. встречается (для Галиции) официальное название «Ма-лая Россия», название, от которого со временем произойдет наименование части нашего южного населения малороссами. У этого населения сложится особое наречие, свои обычаи, а в XVII в. появится некоторое, хотя и зачаточное, подобие государственной самостоятельности. Такие исторические явления не импровизируются; корни их должны уходить в глубь веков — и не вправе ли мы предположить, что уже за рассматриваемый домонгольский период в толще народной происходили какие-то изменения, издавна подготавливавшие раздвоение единой русской народности?

В 1911 г. в Петрограде скончался маститый профессор Ключевский, новейший из корифеев русской историографии, человек, одаренный исключительным даром проникновения в тайники бы-лой жизни народа. От прикосновения его критического резца с исторических личностей спадают условные очертания, наложенные на их облик традиционными, на веру повторявшимися поверхностными суждениями. Ни воплощения государственных добродетелей, ни носителей беспримерного злодейства вы не встретите на страницах его книг; там перед вами проходят живые люди — сочетание эгоизма и доброты, государственной мудрости и безрассудных личных вожделений. Но не только Андрей Боголюбский или Иван Грозный воскресают под его творческим прикосновением; оживает и безымянный, почти безмолвный строитель своей истории — обыкновенный русский человек: он бьется за жизнь в тисках суровой природы, отбивается от сильных врагов и поглощает слабейших; он пашет, торгует, хитрит, покорно терпит и жестоко бунтует; он жаждет над собой власти и свергает ее, губит себя в распрях, уходит в дремучие леса молитвенно схоронить в скиту остаток своих годов или убегает на безудержный простор казачьих степей; он живет ежедневной серой жизнью мелких личных интересов — этих назой-ливых двигателей, из непрерывной работы которых слагается остов народного здания; а в годы тяжких испытаний поднимается до вы-соких порывов деятельной любви к гибнущей родине. Этот простой русский человек живет на страницах Ключевского таким, как был, без прикрас, во всей пестроте своих стремлений и дел. Крупные личности, яркие события — это у Ключевского лишь вехи исторического изложения: к ним тянутся и от них отходят многотысячные нити к тем безвестным единицам, которые своей ежедневной жизнью, сами того не зная, сплетают ткань

Автор: А. Волконский

23.01.2011 13:57 - Обновлено 23.01.2011 14:18

народной истории. Мысль Ключевского, зарожденная в высокой области любви к правде, за десятки лет ученого труда пронизала мощный слой исторического сырого материала, претворила его и течет спокойная, струей исключительного удельного веса, бесстрастная и свободная. Нигде нет фразы, нигде он не унижается до одностороннего увлечения, всюду у него, как в самой жизни, сочетание света и тени, всюду о лицах, классах, народностях, об эпохах беспристрастное, уравновешенное суждение. В наш век рабской партийной мысли и лживых слов книга эта — умственная услада и душевное отдохновение. Ей мы можем довериться. О разветвлении русского народа она повествует так.

Броски Мухомов. Вспомогательный «Русский Прабед»

Киевская Россия достигла своего расцвета в середине XI в. Со смерти Ярослава I (1054 г.) начинается постепенное увядание; основной его причиной была непрерывная борьба с азиатскими племенами, давившими на Южную Русь с востока и с юга. Россия отбивалась и переходила сама в наступление; нередко соединенные княжеские дружины углублялись далеко в степь и наносили жестокие поражения половцам и иным кочевникам; но на смену одним врагам приходили с востока другие. Силы Руси истощались в неравной борьбе, и наконец она не выдержала, стала сдавать. Жизнь в пограничных землях (на востоке по Ворскле, на юге по Роси) сделалась не в меру опасной, и с конца XI века население стало их покидать. От XII века имеем ряд неопровержимых свидетельств запустения Переяславского княжества, то есть пространства между Днепром и Ворсклой. В 1159 г. поспорили между собой два двоюродных брата: князь Изяслав, только что занявший киевский престол, и Святослав, заменивший его на столе черниговском. На упреки первого Святослав отвечает, что, «не хотя лить крови христианской», он смиренно удовлетворился «городом Черниговом с семью другими городами, да и то пустыми: живут в них псары да половцы». Значит, в этих городах остались лишь княжеские дворовые люди да мирные половцы, перешедшие на Русь. В числе этих семи запустелых городов мы, к нашему удивлению, встречаем и один из самых старинных и богатых городов Киевской Руси — Любеч, лежащий на Днепре. Если запустели города даже в самом центре страны, то что же случилось с беззащитными деревнями? Одновременно с признаками отлива населения из Киевской Руси замечаем и следы упадка ее экономического благосостояния. Внешние торговые обороты ее все более стеснялись торжествовавшими кочевниками. «...А вот поганые уже и пути (торговые) у нас отнимают», — говорит в 1167 г. князь Мстислав Волынский, стараясь подвинуть свою братию князей в поход на степных варваров.

Автор: А. Волконский

23.01.2011 13:57 - Обновлено 23.01.2011 14:18

Итак, запустение южной части Киевщины во второй половине XII в. не подлежит сомнению. Остается решить вопрос, куда де-валось население пустевшей Киевской Руси.

Отлив населения из Приднепровья шел в XII—XIV вв. в двух направлениях: на северо-восток и на запад. Первое из этих движений привело к зарождению великорусской ветви русского народа, второе — к зарождению малороссийской его ветви.

Переселение на северо-восток направлялось в пространство, лежащее между верхней Волгой и Окой, в ростово-суздальские земли. Страна эта была отделена от киевского юга дремучими лесами верховьев Оки, заполнявшими пространство нынешней Орловской и Калужской губерний. Прямых сообщений между Киевом и Сузда-лем почти не существовало. Владимир Мономах (1125), неутомимый ездок, на своем веку изъездивший русскую землю вдоль и поперек, говорит в поучении детям с некоторым оттенком похваль-бы, что один раз он проехал из Киева в Ростов этими лесами, — настолько это было тогда трудное дело. Но в середине XII в. ростово-суздальский князь Юрий I, воюя за киевский стол, водил этим путем против своего соперника, волынского Изяслава, из Ростова к Киеву целые полки. Значит, за этот период произошло какое-то движение в населении, прочищавшее путь в этом направ-лении. В то самое время, когда стали жаловаться на запустение Юж-ной Руси, в отдаленном Суздальском крае замечаем усиленную стро-ительную работу. При Юрии I и сыне его Андрее Суздальском здесь возникают один за другим новые города. С 1147 г. становится известен городок Москва. Юрий дает ссуды переселенцам; они за-полняют его пределы «многими тысячами». Откуда пришла главная масса переселенцев — об этом свидетельствуют названия новых го-родов: их зовут так же, как звались города Южной Руси (Переяславль, Звенигород, Стародуб, Вышгород, Галич); всего любопыт-нее случаи перенесения пары имен, то есть повторение имени горо-да и реки, на которой он стоит(1).

Автор: А. Волконский

23.01.2011 13:57 - Обновлено 23.01.2011 14:18



Начало Руси. Прибытие Рюрика с братьями. 862 г.